

В.А.Смирнов

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СУБЪЕКТ ИЛИ ОБЪЕКТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»?

Феномен «мягкой силы» может быть понят более полно, если взглянуть на него через призму использования образования как дисциплинарного инструмента влияния страны за рубежом. Есть все основания предполагать, что современная политика, с точки зрения аппликации «мягкой силы», представляет собой конкуренцию символических структур, где образованию отводится весьма значимая роль. В статье рассматривается образование как традиционный механизм трансляции культурных ценностей, анализируются достоинства и недостатки системы образования РФ в контексте потенциала «мягкой силы». Однако в отличие от большинства работ, сосредоточенных, главным образом, на анализе плюсов и минусов российского образования, в данной статье акцент делается на положении российского образования в качестве объекта воздействия, который подвергается реформированию в рамках идеологии так называемой «школы второго коридора», давно используемой на Западе. В работе оцениваются перспективы подобного реформирования и возможности российского образования стать самостоятельным субъектом «мягкой силы».

Ключевые слова: образование, «мягкая сила», влияние России в мире, идеология, идеологические практики, культурная политика, образовательная политика, постсоветские трансформации

В современной науке при исследовании характеристик власти достаточно широкое распространение получил концепт «жесткой» и «мягкой» силы, обозначаемый в англоязычной литературе терминами “hard power” и “soft power”. Понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный оборот профессором Гарварда Дж.Наем [1, с. 78]. Согласно его точке зрения, возможности государства на пути достижения определенных целей в политике зависят не только от использования традиционных инструментов властвования — военных или экономических рычагов, но и от способности делать ставку на более «мягкие» способы аппликации власти, связанные с культурой, идеологией и качественной дипломатией. Как правило, «мягкая сила» добивается реализации поставленных целей без использования насилия, она задействует преимущественно знаково-символические механизмы.

В настоящее время возможность привлекать и убеждать является куда более эффективным средством достижения поставленных целей в политике, чем прямое давление. Если «жесткая» сила оперирует преимущественно военными и экономическими ресурсами, то «мягкая» сила, напротив, дисциплинарно воздействует не на «тело» потенциального объекта управления, а на его «сознание». Так называемая «мягкая сила» в современной политике самым тесным образом связана с культурой и её производными, которые выступают динамично функционирующим базисом для нынешнего глобального мира. Весьма значимую роль в этих процессах играет дисциплинарное пространство образования, которое начинает обслуживать не только «внутренние» потребности того или иного государства, но и выполняют важные функции в сфере внешней политики. Образование становится одним из самых главных дисциплинарных инструментов аппликации «мягкой силы». Таким образом, проблема развития, продвижения и контроля за дисциплинарными системами образования становится для политиков и других заинтересованных акторов предметом первостепенного значения. Из этого проистекает острая необходимость научного анализа образовательного потенциала Российской Федерации в контексте её «мягкой силы».

По мнению С.В.Михневича, именно ценности становятся сегодня определяющим фактором развития мировой политики. Это связано с тем, что в условиях глобализационных трансформаций, которые происходят в мире, классический государственный суверенитет испытывает серьезные деструктивные воздействия. «По этой причине государства нуждаются в средстве, которое позволит им и дальше сохранять свою эффективность» [2, с. 95]. Таким средством и является политика «мягкой силы», которая, используя несиловые инструменты, воздействует в качестве объекта не на государство, а на народ и общество. Эффективность механизма этого воздействия обусловлена тем, что государство-субъект «мягкой силы», не посягая напрямую на суверенитет другой страны, связанный с функционированием её государственных институтов, тем не менее, может оказывать огромное влияние на общество этой страны. Как считает Михневич, из трех базовых компонентов «мягкой силы» (привлекательность ценностей, привлекательность культуры, невоенные механизмы внешней политики) именно культура является важнейшим элементом [2, с. 86].

Ресурсы «мягкой силы», как их определяет Дж.Най, — это активы, «производящие привлекательность» [3, с. 81]. Таким активом может стать и образование. Достоинства и недостатки российского образования как инструмента международного влияния подробно описаны целым рядом авторов. Так, с точки зрения В.А.Масича [4, с. 117-125], для эффективного использования образования как инструмента «мягкой силы» требуется, во-первых, проведение селекции иностранных студентов (то есть, допуска в российскую систему образования не всех желающих, а лишь представителей определенной, отвечающей конкретным условиям, целевой аудитории); во-вторых, проведения целенаправленной политики по продолжению работы с выпускниками, которую, например, ведут США по всему миру в рамках стратегии формирования лояльных

себе сетевых сообществ и групп; в-третьих, определенное идеологическое наполнение образовательной среды, поскольку отсутствие идеологии делает любую культурную политику априори бессмысленной. В этой связи хочется напомнить, что для продвижения имиджа государства за рубежом должна присутствовать определенная интегративная идея, объединяющая своих сторонников как внутри страны, так и за ее пределами. При этом мы можем констатировать, что идеологическая сфера в России расколота и формируется по различным, зачастую противоположным, линиям, что в принципе затрудняет консолидацию общества как внутри РФ, так и привлечение возможных сторонников за её пределами. В этой связи, можно согласиться с В.А.Масичем, что без выполнения трех вышеобозначенных условий (селекция студентов, работа с бывшими выпускниками за рубежом, а также идеологическая составляющая образовательной «прокачки»), само по себе образование, каким бы качественным оно не было, является просто ресурсом, который может так и не трансформироваться в конкретные результаты и «силу».

Сильными сторонами российской системы образования являются: высокий уровень грамотности населения, большое распространение традиции получения высшего образования и довольно высокий уровень подготовки преподавательских кадров. Еще с советских времен РФ обладает богатым опытом в сфере привлечения в свои вузы иностранных студентов. Надо признать, что СССР длительное время с успехом использовал высшее образование в качестве весомого «идеологического оружия» в условиях конфронтации с Западом и «холодной войны», еще задолго до появления самой концепции «мягкой силы».

Теме не менее, несмотря на этот внушительный потенциал, российское образование имеет и ряд существенных проблем. Таковыми, на сегодняшний день выступают, во-первых, крайне невысокие строчки, которые занимают наши вузы в известных международных рейтингах, во-вторых, слабое владение профессорско-педагогическим составом иностранными языками, в первую очередь, английским, что затрудняет коммуникацию в международных научных кругах; в-третьих, совершенно невысокая публицистическая деятельность, и, наконец, так называемая «утечка мозгов», когда кадры российской «высшей школы» вследствие невысоких зарплат в системе российского образования, зачастую уезжают за рубеж. С другой стороны, есть мнение, что международные рейтинги вузов и наукометрические показатели не являются объективными индикаторами качества образования. По мнению В.Г.Иванова и М.Г.Ивановой, академические рейтинги часто одиозны, субъективны, состояются «не вставая из-за компьютера» [5, с. 75] по очень неоднозначным критериям. Также есть все основания подозревать, что в настоящее время происходит превращение наукометрии, изначально создаваемой с благородными социальными целями, в высокорентабельный бизнес и инструмент манипуляции, в том числе экономической и идеологической. Создатели этих рейтингов способствуют максимальному доминированию в мире именно английского языка, при этом, значительно сокращая долю научных публикаций на других языках. Это, безусловно, ведет к монополизации и иерархиаризации научных исследований в пользу наиболее развитых стран Запада. А это естественным образом способствует усилению «мягкой силы» именно Западного формата.

Однако нам бы хотелось рассмотреть российское образование не столько с точки зрения его достоинств и недостатков, сколько в контексте того, может ли оно в принципе быть субъектом «мягкой силы». Как справедливо отмечает Э.Ф.Макаревич, «система образования может стать как объектом воздействия «мягкой силы», так и ее ресурсом» [6, с. 29]. В первом случае — это активное внешнее влияние на реформирование российского массового образования в 1994—1995 гг. со стороны Всемирного банка, при поддержке фонда Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов. Но под влиянием другой «мягкой силы» со стороны политических партий, церкви, гражданского общества к 2017 г. российская система массового образования вновь претерпела значительные изменения, в центре которых находится воспитание познавательных и нравственных качеств личности. Второй случай, когда система образования как «мягкая сила» повлияла на реформирование образования в другой стране, связан с полетом первого в мировой истории искусственного спутника Земли, осуществленного Советским Союзом 5 октября 1957 г. Это мировое достижение в сфере материальной культуры продемонстрировало силу советского образования, сделав его привлекательным для других. Советский «Спутник» стимулировал американскую науку и образование, стал той «мягкой силой», что заставила реформироваться американские научные центры, университеты и американские школы [6, с. 29].

Сейчас во многих российских вузах проводится эксперимент по реформированию системы образования, его переводу с «классической модели», для которой характерны такие черты, как научность, фундаментальность, абстрактность, системность, на «неклассическую модель» (вариативность, индивидуализация, практикоориентированность). Аргументы сторонников «второго» пути сводятся к тому, что классическая модель себя исчерпала, и выпускники российских вузов, головы которых набиты «бесполезными» абстрактными знаниями, никому не нужны. Университет должен не давать знания, а прививать «желания самому эти знания находить». Как пишет Ф.Ялалов, Сегодня Россия подошла к ситуации, когда при избытке специалистов с высшим фундаментальным образованием реальная экономика испытывает острую нехватку квалифицированных практикоориентированных кадров. Здесь уместно привести высказывание одного крупного банкира о качестве подготовки специалистов: «Я беру на работу в основном выпускников с красными дипломами, но они ничего не умеют делать. Знаний много, при этом они абсолютно не умеют применять их на практике» [7, с. 90]. Глубинную причину кризиса образовательной парадигмы автор видит в «существующем сегодня противоречии между укладом профессионального образования и современным бизнесом. Российская

экономика давно перешла на рыночные рельсы, а профессиональное образование, осуществляющее подготовку кадров для рыночной экономики, все еще не стало рыночным. Оно остается государственным по форме, фундаментальным и академичным по содержанию» [7, с. 90].

Как известно, в нашем мире все новое — это уже кем-то проверенное старое, и «неклассическая модель» давно была внедрена на Западе, где она функционирует параллельно с классической. Как отмечает известный российский исследователь С.Г.Кара-Мурза, на Западе для подготовки элиты, которая должна управлять массой разделенных индивидов, была создана своя особая школа (школа «первого коридора»), основанная на принципах классического «университетского» образования, ориентированного на фундаментальные дисциплины, где главная цель — на каждом уровне дать целостный свод принципов бытия и научить человека свободно и независимо мыслить [8, с. 252-256]. Именно по такому пути шла и советская система образования. В этом была ее уникальность — она давала классическое элитное образование всем без исключения советским гражданам. Причем как на уровне средней школы, так и на уровне вуза — в каждой республике, в каждом городе Советского Союза

Запад пошел по иному пути. Охваченное образованием население тщательно разделялось и разделяется на два неравных потока, которые направляются в два разных типа школы: классическое, предназначенное для меньшинства, и «практикоориентированное» — для большинства («школа второго коридора»). Первые должны получать знания, которые позволят им управлять массами, вторые — знания, необходимые для того, чтобы вписаться в требования буржуазного общества, но не более того. Суть образования для масс заключается в том, что науки излагаются не систематически и абстрактно, а с большим акцентом на эмпирику и практику. Это псевдоконкретное преподавание позволяет устранять барьеры, которые в классическом образовании разделяют дисциплины. Например, в течение одного семестра студент-гуманитарий может изучать следующие предметы: «Инструменты эффективной коммуникации: рассказ как жанр, наука и искусство», «История правовой и политической мысли», «Прошлое в настоящем: люди, города, страны». Каким образом эффективная коммуникация связана с «прошлым в настоящем города», не понятно совершенно. Никакой подготовки к реальной жизни это обучение не дает, лишая в то же время фундаментальных «абстрактных» знаний, которые как раз и позволяют «осваивать» конкретные жизненные ситуации. Более того, когда студенту в голову вносится неупорядоченная, несистематизированная информация, это создает в его мышлении совершеннейший хаос (феномен так называемого «мозаичного», или «клипового» мышления).

С точки зрения методики преподавания, в школе «второго коридора» (для массы) господствует «педагогика лени и вседозволенности», которая прикрывается красивыми словами о «творческой самореализации», «ослаблении диктата стандартов», «индивидуальном подходе» и прочими фразами. Западные социологи даже делают вывод: используемый здесь «активный метод» обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций [8, с. 254]. Тогда как в школе для элиты — учеников сызмальства приучают подчиняться жестким нормам и почти военной дисциплине. Все в соответствии со старым принципом: «Хочешь научиться управлять другими, научись управлять собой». В знаменитом произведении английской литературы «Бремя страстей человеческих» С.Мозма описывается биография юного джентри Филипп, который как раз и попал в такую школу для элиты — с предельно жесткой дисциплиной. С другой стороны, школа для масс хорошо показана в одноименном фильме Гай Германики «Школа», там как раз нет никаких «сковывающих индивидуальность» норм: девятиклассники обладают полной и неограниченной свободой (пьют, курят, хамят учителям, посещают уроки, когда хотят, могут сидеть с ногами на парте и т.д.). Легко догадаться, кем они будут, когда закончат такую школу. Так возникла раздвоенная, разделенная социально школьная система, направляющая поток детей в два коридора.

Образование, которое делает слишком большой упор на «индивидуализацию» и «практику» не позволяет выпускникам видеть целостную картину мира. Философ Х.Ортега-и-Гассет писал, что невозможно создать нацию там, где торжествуют индивидуализм и субъективизм, и где культивируется одна особенность: каждый в отдельности делает лишь то, что ему хочется, не подчиняясь никакой иной норме, кроме своей свободной воли. Это значит, что образование должно быть процессом, посредством которого биологические, т. е. естественные импульсы человека подчиняются идеалам и начинают функционировать в соответствии с выводимыми из них стандартами [9, с. 92]. К сожалению, в последнее время российское образование стало объектом воздействия со стороны разного рода заинтересованных лиц, проводящих на нем свои эксперименты. Без целостного образования не может быть ни нации, ни культуры. И об этом стоит помнить, прежде чем в очередной раз бросаться в омут его реформирования.

1. Nye J.S. The future of power. New York: Perseus Books Group, 2011. 300 p.
2. Михневич С.В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 80-117.
3. Nye J. S. Soft power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2005. 192 p.
4. Масич А.В. Наука и образование как инструменты «мягкой силы» // Вестник РГГУ. 2015. № 1. С. 117-125.
5. Иванова В.Г., Иванова М.Г. Академические и наукометрические рейтинги в процессе глобализации науки и образования: социально-политические импликации // Вестник РУДН. 2015. № 15(4). С. 71-78.
6. Макаревич Э.Ф. Структура и возможности «мягкой силы» // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. Вып. 1(778). С. 27-37.

7. Ялалов Ф. Деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному образованию // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 89-93.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Миссия Университета / Пер. с испанского: М.Голубева, А.Корбут. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 103 с.

References

1. Nye J.S. The Future of power. New York, 2011. 300 p.
2. Mihnevich S.V. Mudrec pomagaet Podnebesnoj: razvitie seti Institutov Konfuciya kak instrument realizacii politiki "myagkoj sily" KNR v Bol'shoj Vostochnoy Azii [Sage helps the middle Kingdom: development of the Confucius Institutes network as a tool for implementing the PRC's "soft power" policy in Greater East Asia]. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 80-117.
3. Nye J.S. Soft power. The means to success in world politics. New York, 2005. 192 p.
4. Masich A.V. Nauka i obrazovanie kak instrumenty "myagkoj sily" [Science and education as tools of "soft power"]. Vestnik RGGU, 2015, no. 1, pp. 117-125.
5. Ivanova V.G., Ivanova M.G. Akademicheskie i naukometricheskie reytingi v processe globalizacii nauki i obrazovaniya: social'no-politicheskie implikacii [Academic and scientometric ratings in the process of globalization of science and education: socio-political implications]. Vestnik RUDN, 2015, no. 15(4), pp. 71-78.
6. Makarevich E.F. Struktura i vozmozhnosti "myagkoj sily" [Structure and possibilities of "soft power"]. Vestnik MGLU: Obshchestvennye nauki, 2017, iss. 1(778), pp. 27-37.
7. Yalalov F. Deyatel'nostno-kompetentnostnyy podhod k praktiko-orientirovannomu obrazovaniyu [Activity and competence-based approach to practice-oriented education]. Vysshee obrazovanie v Rossii, 2008, no. 1, pp. 89-93.
8. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem (Manipulation of consciousness). Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001. 832 p.
9. Ortega y Gasset X. Missiya Universiteta [Orig.: Misión de la Universidad, 1930]. Moscow, 2019. 103 p. (In Russ.).

Smirnov V.A. Russian education: subject or object of "soft power"? The phenomenon of "soft power" can be understood more fully if we look at it through the prism of the use of education as a disciplinary tool for the country's influence abroad. There is every reason to assume that modern politics, from the point of view of "soft power", is a competition of symbolic structures, where education is given a very significant role. The article considers education as a traditional mechanism for transmitting cultural values. It analyzes the advantages and disadvantages of the Russian educational system in the context of the potential of "soft power". However, unlike most of the works focused mainly on the analysis of the pros and cons of Russian education, this article focuses on the position of Russian education as an object of influence, which is being reformed within the framework of the ideology of the so-called "second corridor school", which has long been used in the West. The article analyses the prospects for such a reform and the possibility of Russian education becoming an independent subject of "soft power".

Keywords: education, "soft power", Russia's influence in the world, ideology, ideological practices, cultural policy, educational policy, post-Soviet transformations.

Сведения об авторе. Василий Андреевич Смирнов — кандидат философских наук, доцент кафедры теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-5338-412X; novtransa2010@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.